

ПЕРВЫЙ полноценный перевод "Ады" в кропотливом исполнении Сергея Ильина появился недавно, на исходе года, и стал, надо полагать, вторым после русского "Улисса" примером вдохновенного труда переводчика, прожившего с романом, по собственному признанию, восемь лет, тщательно отыскивая параллели многомерным набоковским пассажам в потускневшем было языке современных толмачей.

Ильин называет роман "Ада, или Радости страсти" (против подстрочника "Ада, или Страсть"); удлинняя заглавие на одно слово, он возвращает раскатистую аллитерацию и двустопный фрагмент дактиля, бывший в английском оригинале В.В. Пример этот весьма показателен для переводчика и может послужить принципиальным образцом определения манеры его работы с текстом. Самым изысканным комплиментом, в свою очередь, станет ощущение читателя, что роман — как и в случае с "Лолитой" — переведен самим автором, сиречь — Набоковым. И — наконец в нашем случае этот перевод, обретший благодаря немалым усилиям и высокому профессионализму московского издательства "Декоративное искусство" полиграфическую плотность, будет поводом к разговору об "Аде".

Почитая "Аду" вершиной творчества Набокова (равновеликой "Дару" В.Сирин), нельзя не вспомнить ее литературных предшественников-повитух, не без помощи которых лексический и сюжетный "многопалубник" романа вышел в открытое море. На наш схематичный взгляд, это господа Джойс и Пруст ("поиграв в petit Proust, он переходит к grand Joyce", как мельком замечает Ада, героиня, Вану, герою). Словесной виртуозностью В.В. следует в русле "Поминок по Финнегану", сплавляя, расщепляя и препарируя слова двух-трех языков в изысканно-скабрёзных "страстных" каламбурах. Родительница героя, Вана, — Аква — отсылает, возможно, к одному из лучших эпизодов "Поминок" — "Анна Ливия": из ее женского полубезумного бормотания и наговоров рождается, как из случайной россыпи букв, весь роман (за ней, "с трудом поднявшись с колен", взыска опору, тянется "моллиблём" из "Улисса"). Тень Пруста в свою очередь проходит по всем светским раутам и пикникам, с благодатной бесцельностью описанных у В.В., а также по весьма туманным рассуждениям Вана о смысле и сущности Времени. Тень Пруста смешивает разноцветные стекла в декоративный витраж, тканый gobelen текста, визуальный образ которого выполнен (не без помощи Густава Климта) оформителем нынешней "Ады". Прибавьте ко всему вышесказанному "внутренний монолог", равно обязательный и Джойсу, и Прусту, и третьему — "Левке Толстому", — и вы прочтете блестящий стилистический сплав за подписью "В.В. Набоков".

И чудовищно ошибетесь, ибо прелесть "Ады" — в ее литературной огранке, где мэтры XX века лишь прозрачные грани, на стыке которых солнечный луч рождает чисто набоковский промельк и проблеск. Прихоть В.В. делает из фабулы романа киношную драму "любви-измены-разлуки-любви" его главных героев — Ады и Вана — в усадебных-городских-планетарных декорациях, под флером флоры и фауны (Ада — род диких орхидей) и сенью навязчивых снов (Ван — психиатр). Действие, которого в романе столь же много, как и описаний, происходит на Антитерре: условно-игровой местности, географические, исторические и литературные вехи которой напоминают нашу действительность (С.Т. Алин, Эстотия, Татария, Осберх, доктор Мертвого, Д'Онской и т.д.). Фабула растянута почти на девяносто лет и представляет краткий курс истории старинного рода в изгнании и вечных любовников: лежекузенов, брата и сестры Ады и Вана, опалимых преступной опаловой страстью, которую проносят сквозь пятьсот страниц текста и почти век истории, переплетаясь в объятиях на по-

Глеб ШУЛЬПЯКОВ:

“Искусство словесного искусства”

лустанках глав романа — в усадьбах, виллах, отелях, седанах, садах и саунах. Хроническая хронология поступательного движения времени — как и банальный сюжет — компенсирована великолепием выделки текста и бисерной россыпью аллюзий и скрытых цитат. Только они — и неизменная страсть — противостоят времени, а стало быть — смерти.

Прелесть "Ады" — в ее волшебной подернутости пеленой сна, когда и память, и путаница-Психея одинаково забывчивы и рассеянны; это по их недосмотру путаются имена, названия и страны, мысли и книги; но именно благодаря им все еще ярки цвета и лучи света. Прелесть "Ады" — в увеличенной диафрагме внутреннего зрения неторопливого рассказчика, сквозь которую страницы заливают солнечный свет. Оттого и скатерти в усадьбе "Ардис" отчаянно-белы и ломки, хрусталь обморочно-прозрачен, а сквозь ультрамарин виноградины различимы точки косточек. Оттого страсть не знает условностей места и времени и толкает навстречу друг другу Вана четырнадцать и Аду двенадцати лет: чтобы потом, разлучив их, как в сказке, полвека спустя свести снова.

"Ада" — как и "Дар" — это роман со счастливым концом. Но сюжетный нюанс и того и другого — в том, что главным героем становится в конечном итоге не персонаж в действии, а литература. Применительно к "Дару" существует аналогичное высказывание самого В.В. Но "героичность" литературы в контексте "Дара" — это одержимость ею Годунова-Чердынцева; его, если угодно, литературная страсть. Литература "героична", поскольку о ней чаще всего говорят — или подразумевают. Не то — в зеркальной "Дару" "Аде": в ее сюжетной канве литература вторична (мы не будем слишком серьезны к опусам Вана. В конце концов его дело — улады Ады), но именно литературность письма, искусство словесного искусства становятся строительным материалом романа. "Ада" — вослед "Лолите" — это следующая ступень набоковского "романа с языком". И нежность, и страсть, и, возможно, нечистоплотные оттенки похоти опосредованы языком настолько, что самые "физиологические" из мизансцен остаются волшебными и искусственными — в высшем смысле этого слова.

Менее чем когда-либо заботит Набокова условность фигуры рассказчика. Он беспардонно встревает в "наш раскидистый роман", и мы уже не замечаем, где повествование Вана (так как "Ада" — фактически "памятные" заметки девяностолетнего героя), где приписки, сделанные рукой его возлюбленной Ады, где комментарий дотошного издателя, а где нос и пенсне лукавого автора. Завершают маскарад ироничные комментарии к "Аде", составленные неким "Вивиан Дамор-Блок", оказавшимся ходячей анаграммой имени "Владимир Набоков".

Сновидческая смазанность мысли и слишком отчетливые, укрупненные памятью детали наполняют роман и орфография сновидений становится его орфографией в осеннюю пору жизни героев — и автора. Но, приближаясь к смерти, они по-прежнему заочно повторяют на всех языках: I love you, je t'aime, yellow blue Vass, я люблю вас — поскольку смерть есть только еще одно подтверждение существования; а значит, и страсти.

В.В. Набоков: "Умираю, следовательно, существую".

